18+

Светлана Богдан

Кроки в лесу. Первые приключения за Золотым Оврагом

Светлана Богдан

Кроки в лесу. Первые приключения за Золотым Оврагом

«Издательские решения»

Богдан С.

Кроки в лесу. Первые приключения за Золотым Оврагом /
С. Богдан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503110-5

Всё лето Кроки провёл у своей тётушки, но пришло время возвращаться в свой любимый лес, где его ожидают старые друзья и новые приключения.

ISBN 978-5-00-503110-5

© Богдан С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая 6
Первый день дома 6
Глава вторая 9
Совет ежа 9
Глава третья 12
Визит 12
Глава четвертая 14
Концерт 14
Глава пятая 16
Счастье 16
Глава шестая 20
Мышиная свадьба 20
Глава седьмая 23
Сватовство 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Кроки в лесу. Первые приключения за Золотым Оврагом
Светлана Богдан

© Светлана Богдан, 2019
ISBN 978-5-0050-3110-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Первый день дома

Морозно в лесу, а в норке Кроки тепло. Спит кроль, посапывает, только пар из носа вздымается.

«Каррр! Каррр! Каррр!» – раздалось с дерева над норой кроля.

Разбуженный Кроки недовольно потряс ушами. Всё снова стихло. Только он свернулся в калачик и закрыл глаза, снова раздалось громкое «каррр».

«Кто там каркает с утра пораньше?» – недовольный кроль вылез из норы.

Он увидел на ветке дерева большую ворону.

«Ты чего тут каркаешь?» – сердито сказал Кроки.

Ворона посмотрела вниз одним глазом: «А тебе какое дело?»

«Мне есть дело, я под этим деревом живу в своей норе».

Ворона слетела на ветку пониже и посмотрела вниз другим глазом: «Ну, так и живи себе счастливо дальше в своей норе. Не мешай мне стихи сочинять».

«Это я мешаю? Это ты мне мешаешь отдыхать после очень утомительной поездки к родственнице», – заявил Кроки.

«Понимаю. Родственники всегда ужасно утомляют, поэтому я с родственными связями покончила в прошлый четверг, когда решила посвятить всю себя своей музе», – откровенничала ворона.

«Посвятите себя музе на другом дереве, пожалуйста», – попросил Кроки.

«Решительно нет. Это печальное дерево и есть моя муза», – ворона слетела ещё на ветку ниже.

«Не то, чтобы я не любил поэзию. Я и сам поэт-любитель, но нельзя же беспокоить своей поэзией окружающих, когда им совсем не до стихов».

«Но я сочиняю в жанре хайку! А это другая вселенная, как у Басё», – перебила ворона.

Кроль озадаченно смотрел на поэтессу.

«Вот послушайте только. Солнце раскрашивает томаты красной краской в жаркий полдень», – гордо продекламировала ворона.

«Это всё?» – спросил кроль, после долгой паузы.

«Разве это не прекрасная строка? Сколько в ней глубокой философии. Я сочиняла её два дня», – заявила тщеславная ворона.

«Действительно, это чрезвычайно глубоко для меня. Я так не умею», – признался Кроки.

«Конечно не умеете. Это удел избранных. Такая живописность слов есть только у двух процентов всех ворон, но вам это простительно, если вы не ворона», – надменно сказала она и взлетела на прежнее место.

Смущенный Кроки залез обратно в нору.

«Какая вредная ворона. И такого высокого мнения о своих несуществующих достоинствах. Вот бы мне таким же стать», – подумал Кроки.

Кроки залез в буфет проверить свои запасы на зиму. Буфет был полон сухих листьев разных трав. Зимой что главное? Не замерзнуть. Вот горячими травяными отварами Кроки отогревался в особо студёные дни.

Он набрал снега в чайник, собрал хворосту, развёл огонь и заварил себе душистые травы. Попивая с блюдца свой чай, Кроки чувствовал, что вот-вот и у него в животе начнётся революция от голода. Кроль проверил корзинку с тётушкиными гостинцами, но, увы, она была совершенно пуста. Кроки опустошил весь провиант вчера по дороге.

«А не пойти ли к кому-нибудь поиграть на пианинах? Да, это хорошая идея, но к кому?», – размышлял Кроки.

«Поиграть на пианинах» значило пойти в гости с исключительной целью там бесплатно поесть. В лесу все часто ходили к друг другу играть на пианинах, не считая это зазорным и постыдным действом. Неожиданное и громкое «каррр!» заставило Кроки подпрыгнуть на месте от испуга, расплескав чай. Он выскочил из норы очень рассерженный.

«По вашей милости я пролил на себя чай и получил ожог первой степени! Прошу вас убраться на другое дерево или я сделаю что-нибудь совершенно ужасное».

Ворона посмотрела вниз одним глазом: «Какая неприкрытая зависть моему таланту! Мне вас становится жаль. Не могу даже рассердиться и клюнут вам как следует в нос. Подите прочь в своё подземелье, вам не дано летать».

Эти слова были сказаны столь презрительным тоном, что Кроки замахал лапами от гнева и бросил в ворону снежком, но не попал.

«Какое нахальство и неуважение», – ворона повернулась хвостом к Кроки, словно он был самым недостойным её внимания существом на земле. Минуту погодя, она улетела прочь. Кроки почесал за ушами, посмотрел вокруг. Смеркалось. На небе показалась полная луна.

«О, какая толстая луна, наверное, она здорово дома налопалась всякой еды прежде, чем показаться на небе», – вздохнул кроль и погладил своё пустое пузо.

Потянуло на мороз. Снег похрустывал под ногами голодного кроля. Он шёл, шёл и, вдруг, его ноги сами остановились у домика ежа Махпета. Из приоткрытого окна дома выплывал, как джин из бутылки, манящий запах маклюбе.

Ёж был большим поклонником сирийской кухни, считая, что это самая здоровая и полезная еда на свете. От аромата еды Кроки почувствовал, что его живот сжимается так, словно руки голода выкручивают его, как белье после стирки. Он потряс ушами и постучал. Ёж открыл дверь, посмотрев в глаза кроля, он понял, что тот очень голодный.

«Доброго вечера Махпет»

«Как же ты вовремя! Заходи в мой дом. Всегда рад посетителям. Я приготовился ужинать, и так скучно мне стало одному. А вдвоём нам жевать будет веселее», – радостно встречал ёж гостя.

«Да, уж. Пожевать сейчас не помешало бы», – облизнулся Кроки.

Ёж выложил на большое блюдо своё маклюбе. Пряный аромат стал ещё сильнее.

«Давай уже, ёж, не тяни. Так есть хочется».

«Бери ложку», – перебил ёж.

Первый кусочек еды, и голодный Кроки оказался в раю. Он жевал долго, желая распробовать каждую специю.

«Это мускатный орех! Моя тётушка постоянно его на ночь с молоком пьёт, чтобы спать хорошо. Насмотрится своих полицейских сериалов. Кто их только придумал, а потом спать не может от пережитых погоней и стрельбы».

«Мускатный орешек, корица и кориандр, много чего ещё. Маклюбе любит специи».

Кроки и ёж с удовольствием поглощали еду, переедая, но остановиться просто невозможно, когда на столе маклюбе!

Большая тарелка опустела.

«Как мало для счастья надо. Голодному всего лишь кусок еды, жаждущему стакан воды, слепому хоть раз небо увидеть», – заметил ёж.

«Эх, Махпет, Махпет, у каждого своё понимание счастья. Кому-то свой живот набить достаточно и больше ничего в жизни не надо. А кому и вообще ничего не надо. Есть и такие чудаки».

«Чудаков полным полно, но и чудеса случаются. Садись лучше к печке, погрейся. Вишь вьюга какая за окнами поднимается. Не люблю зиму. Слишком холодно. Ни травы зеленой,

ни водицы из лесного ручья. Всю зиму чай из талого снега и грибочки сушеные. А где ж ты пропадал всю осень?» – разговорился ёж.

«У тётки. Вынужден был скрываться от особо опасного волк, боясь за собственное благополучие».

«Эх, плохо, что у тебя нет иголок, как у меня».

«Зато у меня есть быстрые ноги. Правда смелости у меня слишком мало, что временами омрачает мою жизнь».

Кроки почесал свой затылок и начал зевать. В свою нору ему возвращаться не хотелось. Так тепло и хорошо было у горячей печки. Махпет спокойно мыл посуду, когда кроль завопел: «Спасите! Горю!» и начал носиться по комнате, как ураган. Ёж прямо растерялся, зачем-то открыв входную дверь. Какая-то неведомая сила вытолкнула Кроки на улицу, и тот угодил головой в большой сугроб. Ёж подошёл к кролю и потрогал его за задние ноги.

«Ты живой?»

«Почти живой, ещё чуток и моё сердце не выдержало бы».

Кроль, кряхтя, выбрался из сугроба, осмотрел свою шубку и был огорчён, что в трёх местах на его спине мех был опалённый.

«Ну, это ничего. Главное, что ты живой, а мех дело наживное. Новый вырастет», – успокаивал ёж поникшего кроля.

«Посмотри на мои лапки. Все пятки чёрные от сажи и следы оставляют на снегу».

«Ну так, а шишки сосновые зачем? Пойдём в дом. Шишкой потрёшь свои пятки и будут они чище снега. Я много шишек осенью насобирал».

Взяв шишку, Махпет стукнул себя лапой по лбу, произнеся: «Я совсем забыл, что сегодня вечером Патр меня ждёт в баню париться. А я так люблю погреть свои косточки. С трудом переношу морозы и холода, ведь моя бабка была арабских кровей да и из знойных пустынь. Видимо, это у меня в генах любить тепло и много солнца».

Ёж всучил Кроки два березовых веника, и они посеменили к дому Патра.

Патр был полярный белый медведь, он страдал бессонницей у себя на северном полюсе, и врачи командировали его в хвойные леса Южной Трампории, где он удачно освоился, но окончательно потерял свой сон. Правда после хорошей бани Патр засыпал на целую неделю. Поэтому, хоть париться ему и не особо нравилось, он регулярно принимал эту процедуру с березовыми вениками, чтобы немного поспать.

«Ты, главное, не перечь ему, когда он начнёт про политику говорить. Очень он любит это дело, хотя и не смыслит в этом совершенно ничего. Просто молчи и слушай, но не спорь. Попаримся в баньке, потом, как положено, чай с малиновым вареньем или медком, а после уже и отдыхать будем», – посвящал ёж кроля в план действий на вечер.

«Ведь он же медведь! Он и съесть нас может если проголодается. Нет, я пожалуй в свою нору поверну. Тебе то что? Свернёшься в клубок, выставишь свои иголки и уцелеешь. А я чем отбиваться буду? Нет, я не пойду», – делился своими страхами и опасениями Кроки.

«Ну, поступай как знаешь, чтобы никого не винить после», – ответил ёж, забрал у него веники, пожал лапу и побежал дальше.

Кроки вернулся в свою нору. В лунном свете снег едва серебрился. Было тихо и спокойно.

«Только подумать, среди всей этой безобидной зимней красоты леса существует столько опасностей для такого маленького кроля, как я. Ведь стоит только зазеваться на миг, и из любого куста выпрыгнет какой-нибудь зверь. А всё-таки, какая красота вокруг. И как удачно я поиграл на пианинах сегодня», – рассуждал сам с собой Кроки, хлопая себя по пузу.

Глава вторая

Совет ежа

«Плывут облака и не знают,
Что на земле я мечтаю
Облаком стать
И бесплатно летать».

Записал Кроки свой стишок на клочке газеты «Лесные сплетни», в которой был объявлен конкурс «Поэт леса». Победителю помогут издать книгу за Золотым Оврагом, а это, конечно, безусловный успех и признание в будущем. Кроки решил попробовать свою удачу и поучаствовать в конкурсе. Но рифма как-то не плелась и вдохновение Кроки совсем сникло.

«Эх, написать стих такая малость, а как много труда требует», – Кроки нервно теребил лапами свои уши. Он хотел написать такой шедевр, чтобы наверняка победить других стихоплетов. Он перебирал в голове всевозможные темы.

«Про маму написать? Но я не испытываю особенного чувства к своей родительнице, ведь она бросила меня совсем малышом без зазрения совести в своих косых глазах. Про Родину? Про лес? Про любовь? Что можно сочинить про то, что тебе неведомо. Чему посвятить свои пустые думы?»

Грустно было в норе и одиноко. Кроки вертел карандаш, не решаясь начать первую строчку. Вдруг ему подумалось: «Ну отчего я не родился пчелой? Пчёлы никогда не одиноки. Их всегда много в улье. Хоть каждый занят там своим делом, но всё равно все заботятся о благе друг друга. Пчеле хорошо. Целый день ройся в цветках, собирай нектар. Целое лето летай себе в тепле, ни зимы тебе, ни морозов. А потом всем добро пожаловать в пчелиный рай. Хорошо быть пчелой, а главное, сколько пользы и блага от мёда, который умеют делать только они. Да, пчела – исключительно уникальное создание. Решено! Надо сочинять про пчёл, про мёд и нектар жизни. А название будет незатейливым. Просто „Баллада медведя“ или что-нибудь в этом роде».

«Эй, Кроки, выходи в снежки играть и зайца снежного лепить!» – послышался голос снаружи.

«Да это же Парлизан!» – пронеслось в голове кроля.

Это действительно был доблестный Парлизан. Сын покойного суслика Домициана.

«Парлизан, дружище! Какими судьбами? На каникулы пожаловал в родные леса?» – обнял Кроки друга.

«Нет, насовсем».

«Как насовсем? Уже отучился?» – удивился кроль.

«А что там учить? Я и без них все знаю», – махнул лапой Парлизан.

«Что ж ты там изучал?»

«Отечественные и зарубежные религии», – последовал ответ.

«Ааа. Серьёзные науки, должно быть», – почесал затылок Кроки.

«Не такие серьёзные, чтобы протирать штаны шесть лет».

«Так, как же ты так быстро выучился, если шесть лет?»

«Да ну их! Выгнали меня».

«Да за что же?» – обалдел кроль.

«С профессором зарубежных религий был не согласен. Противный такой кот в берете. Ну всех достал. Он мне одно талдычит, а я ему в морду пяткой, чтобы не препятствовал каждому иметь своё собственное мнение. А он в меня когтями. То ещё погромище было. Вообщем,

выгнали меня без позора. Чтобы я не пожаловался на заведение, в стенах которого мне причинили физические увечья когти религиоведа, выдали мне диплом негосударственного образца об успешном окончании курса и выпроводили с миром».

«Ну хоть не зря проторчал там, ведь бумажку-то дали. И что ж ты теперь делать будешь?»

«Проповедовать существующие и не существующие религии всем желающим», – торжественно объявил Парлизан.

«Вот так проповедник объявился. Как многие прикроется своими бесполезными проповедями, притворяясь, что занимается особо важным делом», – подумал кроль.

«Ну давай слепим снежного зайца, как в детстве. Помнишь? Мы его слепим, а он нам удачу принесёт на весь следующий год», – предложил Парлизан.

И они принялись лепить из снега зайца.

«Не понимаю я тебя, Парлизан. Как проповедник может верить в то, что снежные зайцы могут приносить удачу? Это же прямо отрицается любой религией», – хотел покритиковать кроль.

«Ничего ты не петришь в религиях. Совсем темный. Сидишь в своей норе и не имеешь в своей голове вопросов о вселенской энергии мысли. Одна малюсенькая мыслишка может заставить двигаться материки! Во что поверишь, то тебе и будет!»

«Да ведь если бы знать во что верить! Что толку верить всякой там очередной брехне? Я вот решил, что лучше ничему не верить. Не хочу обманываться или быть обманутым. Очень неприятное послевкусие оставляет после себя легковерие», – возразил кроль.

«Ну, я не заставляю тебя верить или не верить. Это не моё дело вовсе, кто во что там верит. Только знаю, что вера помогает надеяться на лучшее, а это может даже жизнь спасти в один из тех ненастных дней, когда жить больше не хочется».

«А по мне так, вся эта новомодная теория о силе мысли и способности воплощать свои мечты через мысленные образы не более, чем очередное добровольное заблуждение. Кем-то уже написаны наши судьбы и жизни. Нам же досталось только всё это воплотить и прожить».

«Как в театре?»

«Именно! Только без репетиций».

Парлизан задумался, а потом сказал: «Какой-то заяц злой получился. Посмотри какой недовольный у него вид».

«А чем же ему быть довольным? Зима, холодно, а ему тут торчать на морозе до самой весны. Но по мне, так он расстроенный, а не злой».

«Нет. Такой заяц точно удачи не принесёт», – произнёс Парлизан и развалил зайца на куски.

После друзья отправились согреться и поиграть на пианинах к ежу, который как раз вычитал новый рецепт и был занят на своей кухне, где все булькало и шкворчало. Знакомство было кратким.

«Парлизан».

«Махпет».

«Да, я же вас помню! Вы у нас в школьной столовой на переменах пирожками с капустой торговали!»

«Очень может статься что, то был вовсе не я», – смущенно ответил ёж.

«Ну какая теперь важность в этих воспоминаниях? Ты бы ещё вспомнил, как твоя мама на свет появилась», – влез в диалог Кроки, боясь, что суслик ляпнет ещё какую-нибудь нелепость.

«Как это?» – озадачился Парлизан и замолк.

Кроль и суслик уселись за столом в скромной кухоньке ежика.

«Мороз крепчает. Зима настоящая. А я вот вычитал в газете про конкурс поэтов. Хочу поучаствовать», – начал разговор кроль.

«О, да ты стихи писать умеешь?» – удивился суслик.

«Главное для поэта – удачный выбор темы», – отозвался ёж.

«Я решил сочинять о пчёлах. Все, что придёт в голову всё в стих затолкаю».

«Главное, чтобы от сердца шло. Тогда и в других сердцах отзовётся эхом твой голос. Не тщеславься, если придёт успех», – говорил ёж.

«Да какое там тщеславие. Хоть бы не опозориться и на том спасибо».

«Эх, ёж, хорошо живёшь!» – неожиданно сказал Парлизан.

«Это правда, что хорошо», – отозвался ёж.

«Я в обратном смысле слова. Такая беднота у тебя в доме».

«Ты, что? Мы же в гостях! Не дерзи хозяину», – одернул Парлизана Кроки.

«А чтобы жить хорошо иметь много всего не надо. Для начала надо быть просто довольным тем, что у тебя есть», – ответил ёж.

«Вот, что верно то верно. Надо всегда быть довольным. Роскошь такое дело опасное. Ведь некоторые с ума сходят от роскоши, а другие ради неё убить готовы. Вот пастор Эдуардо сказывал мне, что роскошь схожа с ожирением. Можно жить с ожирением, но плохо это для здоровья жирняка и качества его жизни», – поддакнул Кроки.

«Я бы не отказался быть жирняком. Что ж так вкусно пахнет? Если я захлебнусь своими слюнями, то виноватым в моей преждевременной гибели прошу считать ежа», – пошутил Парлизан.

«Голубцы», – протяжно произнёс кроль.

«Голубчики отменные получились. Ну, давайте к столу», – сказал ёж и поставил на стол большую кастрюлю.

Ёж помолился перед тем, как положить первый кусочек еды в рот. Парлизан без всяких молитвенных прелюдий уплетал за обе щеки.

«Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты. Теперь ёж подумает, что я такой же балбес, как этот бескультурный суслик. И зачем я только позвал его с собой. Надо было отделаться от него и идти одному. Конфуз какой вышел», – сокрушался кроль про себя.

«Я в следующий четверг отправляюсь в паломничество», – объявил ёж.

«Куда это?» – спросил Парлизан.

«В святой город Пепауана-Сити бич».

«Где это?» – поинтересовался кроль.

«Сам не знаю. Турфирма знает. Я по турпутёвке».

«Как не знаешь? Вот дела! Может, тебе туда и не надо вовсе, а ты поедешь. Приедешь и ужаснёшься. Да поздно. Приехали!» – хохотнул Парлизан.

«Нет. Там океан. Никогда океана не видел, а так хочется увидеть хотя бы раз», – мечтательно произнёс ёж.

Когда гости уходили восвояси. Ёж сказал Кроки: «Каждый становится похожим на своего друга. Внимательно выбирай себе друзей».

Глава третья

Визит

Кроки третий день безвылазно сидел в своей норе. В лесу, не прекращаясь, бушевала буря. Снег падал и днём и ночью. Ветер гудел в верхушках елей. Кроки пытался занять себя чем-нибудь. Он перечитал газету пять раз, периодически принимаясь за сочинение поэмы о пчёлах. Он даже напек себе блинов на неделю вперёд. А буря все не кончалась. Кроки оглядел свою унылую нору.

«Эх, как одному быть грустно на этой земле. Если меня тут совсем заметёт, и я больше никогда не увижу верхушек деревьев, то разве кто опечалится? Ведь никто даже и не узнает, что меня не стало. Печально моё одинокое существование», – размышлял кроль, когда в его нору ввалился Парлизан.

«Ох, и замело тебя тут. А я так и знал, что ты будешь сидеть в своей норе и проверять от скуки собственный пульс. Друзья они на то и есть, чтобы составить компанию, когда в этом есть необходимость. Друг твой уже, наверное, в океане плещется, а тут такие метели не на шутку».

Кроки сидел молча. Не хотелось ему сейчас пустых разговоров, которых у Парлизана было немеряно в запасе.

«Одиноко у тебя, однако. Завёл бы себе кота, чтоли».

«Да на что мне кот? Что я с ним буду делать?»

«И то верно. Зачем тебе кот. Лучше жениться. Я решил, что весной непременно женюсь. В апреле», – поделился суслик.

«Неужто и невесту себе уже нашёл?»

«Ну невесту найти не сложно. Невесты завсегда рады выскочить замуж за любого глупца, решившего жениться», – махнул лапой Парлизан.

«Разве только глупцы женятся? Что же умные делают тогда?»

«А умными как раз и становятся те глупцы, которые женились. И вообще, женитьба помогает избавиться от многих вредных привычек холостяка. Вдовый сосед Телепунькин научил моего отца курить бурьян, чем тот страдал до самой свадьбы с моей маманей. Погрязнув в заботах семейной жизни бурьян был успешно забыт и покинут. Вот какая польза от женитьбы», – поведал Парлизан.

«Ну, конечно, это хорошо. Но жениться, чтобы бросить курить бурьян я бы не стал. Эх, жаль, что непогода такая. А то бы мы с тобой пошли на рябине покачались».

«Тех самых на которых медведи любят покачаться по осени? Так они почти все ветки пообломали. Одни стволы остались».

«Всю красоту осеннюю в лесу пропустил», – вздохнул кроль.

«Я вот тебе что получше предложу. Давай гири таскать».

«Зачем?» – удивился Кроки.

«Как зачем? Бодибилдингом заниматься».

«Всё тебе неймется. Это ещё зачем?»

«Ну ничего ты не понимаешь. Мышечная масса определяет силу противостояния в поединке с предполагаемым противником».

«Неее, это точно не про меня. В моем случае любому противостоянию я предпочитаю трусливое бегство без оглядки».

«А вот, допустим, если ты на перегонки с лошадью бежать будешь, кто будет быстрее?»

«Лошадь», – почесал затылок кроль.

«Ну да. Лошадь».

«Быстрее будет ёж».

«Это ещё почему?» – удивился суслик.

«А потому, что он свернётся в шарик и покатится вперёд со скоростью света».

Суслик был явно удивлён и озадачен полученным ответом. На время он замолк, обдумывая как ёж покатится.

«Ну, а если он в яму упадёт? Ведь лошадь через яму перескочит и ты тоже, а ёж нет».

«А зачем ему в яму падать? Он покатится по краешку ямы».

«Как же он может знать где краешек? Ведь он же катится и ничего вокруг не видит. Или ещё хуже. Ёж может врезаться в дерево или упасть с обрыва».

«Вот поэтому ежи не катаются шарами по земле, а семенят ногами. И хватит задавать глупые вопросы. Давай лучше пирожки из сосновой хвои будем печь».

«А потом их съедим?»

«Ну, а что ещё с ними делать? Не в биллиард же ими играть».

«Иногда я не понимаю логическую цепочку твоих слов. Потому и переспрашиваю», – оправдался суслик.

Запах свежей хвои наполнил нору Кроки. Вдвоём кухарничать веселее, чем одному.

«Читал ли в свежей газете, что в будущий четверг в лес с гастролями пожалует ворона, которая поёт соловьем?» – спросил Парлизан, лепя пирожки.

«Нет, не читал. Мне всегда приносят газету с опозданием на неделю. Так что, когда я читаю газетные новости, они уже и не новости вовсе. И эта ворона, как бы она там не прикидывалась соловьем, все равно останется всего лишь вороной», – сказал кроль, ставя на стол поднос с горячими пирожками.

Глава четвертая

Концерт

Ворона прибыла при полном параде. Нелепый начёс на вороньей голове и желтые бусы на груди не гармонировали с соловьиным голосом из вороньего клюва. Казалось, что все нелепости соединились в одном лице и готовы были поразить местную публику.

Надо сказать, что ворона действительно могла заливаться соловьем, да так, что любой соловей ей позавидовал бы. Одна беда – любила ворона крепкие напитки, но перед концертом она строго позволяла себе только крепкий чай.

«Ты – моя единственная радость в этом лживом мире. Только с тобой я становлюсь сама собой. Если бы не ты, то я давно бы сошла с ума или, может быть, даже утопилась в ванне. Но пока ты со мной я смогу выдержать всё. Всё ради тебя», – нежно приговаривала певунья, глядя на зелёный бутыль алкоголя «Норвежский тролль».

Подготовка к концерту шла полным ходом. Музыканты бренчали на своих инструментах. Ворона лепила себе на перья разноцветные блёстки и мишуру. Бобр нервно бегал туда-сюда с папиросой между своими передними резцами, выстраивая свет на сцене.

«Ну сколько можно курить? Ведь это же прямая угроза пожарной безопасности. Или вы концерт нам сорвать хотите? У певицы от малейшего никотина в воздухе расстройство голоса может случиться», – сделал бобру замечание бывший личный стилист вороны скунс Калентин Мордашкин, уволенный ею час назад за свой плохой стиль.

«Вы читали что обо мне пишут?» – заявила ему ворона.

«А что им там особо писать, кроме как, что вы самая обаятельная и привлекательная», – ответил Мордашкин.

«А вот вовсе и нет. Пишут, что у меня совсем нет вкуса и чувства стиля. Что на сцене я в своём красном плаще и шляпе похожа на рыбака после шторма в море. Я вас увольняю за профнепригодность, как стилиста. Но предлагаю взамен должность сотрудника пожарной безопасности».

Вот так в одну минуту Мордашкин был уволен и снова принят на работу, не успев огорчиться по этому поводу.

Заполненный зал гудел в ожидании, когда же поднимут занавес. На первом ряду сидели все заседатели лессовета во главе с председателям Бурякиным, второй и третий ряд заняли работники лесной полиции, от которой толку было ноль. Четвёртый и пятый ряд заполонили журналисты с фотокамерами. На предпоследнем ряду сидели Кроки и Парлизан.

«Эх, как далеко нам выпало оказаться. Ведь отсюда ничего не видно», – сетовал Парлизан.

«Да что тебе там видеть надо? Ворона споёт, а ты послушаешь. После потопаешь домой под большим впечатлениям и немного влюблённый», – отвечал ему кроль.

«Как что? Мне нужно видеть глаза. Зеркало души. Посмотреть в глаза и увидеть душу», – мечтательно бормотал Парлизан.

«Ну я тебе скажу, что у всех ворон чёрные глаза несчастного шулера», – поделился наблюдением кроль.

«Прямо уж таки все? Каждый индивидуален и неповторим», – возразил Парлизан.

«Неповторимы они только в одном. В мании собственного величия на пустом месте, в остальном же ворона… она и есть ворона. Не удивлюсь, если и эта артистка окажется плутовкой каких ещё поискать».

«Ничего отсюда не вижу! Только бестолковые макушки лесных властей», – сетовал Парлизан.

«Не такие уж они и бестолковые раз сидят на первом ряду, а ты почти на последнем».

«Много ума не требуется, чтобы сидеть первым. Так уж устроен этот мир, что все почести оказываются отъявленным бездельникам и тунеядцам», – возмущался Парлизан.

Внезапно зал стих. Занавес медленно поднимался. Во всем своём блестящем великолепии ворона предстала перед публикой в свете шестидесяти зажженных свечей. Ворона была суеверной и никогда не соглашалась выступать при другом освещении или количестве свечей.

«Для вас поёт Мануэла Бубликова», – раздался откуда-то гнусавый голос. Ворона при этих словах склонилась в аристократическом поклоне, затем распрямилась и широко открыла свой клюв. Удивительные соловьиные трели полетели в зал, и публика замерла от удивления. Ворона пела соловьём. От удовольствия Парлизан закрыл глаза и только слегка покачивался из стороны в стороны. Кроки сидел и удивлялся: «Подумать только! Душа соловья в теле вороны».

Ворона упоительно щебетала, трясла своим хвостом в блестках, помахивала крыльями в мишуре, поворачиваясь из стороны в сторону. Публика была просто в восторге. Ворона принялась расхаживать по сцене маленькими шажками. В момент долгого музыкального проигрыша ворона начала считать количество свечей. Их оказалось ровно пятьдесят девять. Шестидесятую свечу по ошибке унёс за кулисы бобр, когда прикуривал от неё. У вороны перехватило дыхание от такого дурного предзнаменования. Она принялась пересчитывать свечи снова, совершенно забыв, что она должна была начать петь. Музыканты, недоуменно переглядываясь, продолжали играть. Нет, ошибки не было в том, что одной свечи не хватает. У вороны потемнело в глазах.

«Это конец моей карьеры», – промелькнуло у неё в голове и она в бессилии села на пол.

Публика, видя, что происходит что-то не то, начала взволновано шептаться. Ворона, немного прийдя в себя, вернулась в центр сцены, чтобы продолжить концерт. Она пошире открыла клюв, и оттуда вылетело громкое «карр!». Зрители прямо подскочили на местах. Ворона с ужасом обхватила свой клюв крыльями, затем снова открыла и каркнула. Музыканты от неожиданности прекратили играть. Один барабанщик продолжал барабанить в свой барабан и то, потому что он был пьян. Мордашкин высунулся на сцену узнать почему заминка в концерте. Ворона беспомощно смотрела в темный зал. В зале была мертвая тишина. В этот момент кто-то истошно заорал: «Пожаааааар!». Загорелся край занавеса и огонь стремительно распространялся по сцене. Зрители в панике кричали и протискивались к выходу, ворона прямо со сцены, перелетая препятствия, побежала по головам своих обожателей к открытому люку вентиляционной системы. Музыканты пытались бороться с огнём своими инструментами. Мордашкин в отчаянии бегал по сцене с пустым огнетушителем, который долгое время пылился в углу чулана и теперь никак не хотел ничего тушить. Концертный зал погрузился в хаос и дым.

К счастью пострадавших не оказалось, без вести пропавших тоже. Пожарная машина прибыла быстро, но по каким-то причинам совершенно без воды. Зрители, задрав головы, смотрели на феерическое завершение вороньего концерта в виде большого пожара.

«Ох, и концерт нам устроили», – сетовал Кроки, наконец оказавшись на свежем воздухе.

«Да уж, всем концертам концерт», – откашливался Парлизан.

Глава пятая

Счастье

Одним солнечным мартовским днём Кроки отправился на прогулку по лесу. Он беззаботно скакал по подтаявшему снегу между кустов и деревьев, путая следы как обычно. Попутно он собирал подснежники чтобы подарить их ежу. Ведь ежи известные любители подснежников.

«Похоже, что зима уже бессильна в этом лесу. Вон как пахнет весной и подснежниками. Какое же это чудо! Эти цветы под снегом. Вот ёж обрадуется», – думал радостно Кроки, найдя синие и белые цветы под снегом.

«Я телеграмму получил! От аиста!» – послышался вдалеке восторженный крик Парлизана.

Кроки в раздумье почесывал за левым ухом, пока радостный Парлизан бежал к нему, сжав в лапах ценный документ.

«Я буду отцом! Радость какая. Вот посмотри! Сегодня утром нашёл под дверью такую счастливую новость», – Парлизан протянул Кроки свою заветную бумажку.

«Да, порой, приятель, счастье действительно лежит у нашего порога, пока мы бежим за тридевять земель в его поисках», – ответил кроль и принялся изучать телеграмму.

Прочтя, кроль задумчиво почесал за правым ухом. Растерянным взглядом он посмотрел на Парлизана, а затем снова на телеграмму.

«Что-то не пойму я твоей радости. Чему ты радуешься? Признаться, я удивлён широте твоей души. Это надо же так радоваться за других, как за самого себя!

«Как чему радуюсь?! Ведь ясно же написано, чтобы я приготовился к пополнению семейства».

«Да, это я прочитал. Но причём здесь ты? Ведь отцом станет бегемот, а не ты!»

«Как бегемот? Я же нашёл эту телеграмму у себя под дверью этим утром».

«Ох, Парлизан, документы такого рода надо изучать с положенной тщательностью, чтобы не впасть в ложную радость. Вот здесь в уголочке ясно указан адресат. И это, к сожалению для тебя, болотный бегемот. Конечно, если ты желаешь воспитывать маленького бегемотика, то это в корне меняет дело. В противном же случае, твоя подготовка к пополнению является безосновательной».

Кроки протянул обратно телеграмму совершенно растерянному суслику. Тот принялся внимательно изучать написанное.

«Как же так? Как же так?» – удручённо бормотал он.

«Бывает, всякое бывает. Ну, не кисни, как капуста в бочке. Будут и тебе телеграммы в своё время», – подбадривал его кроль, срывая подснежники.

Нарвав весенних цветов, Парлизан и Кроки прямиком отправились к ежу, который после своей поездки к океану стал особо одухотворенным и философски мыслящим.

В это время в гостях у ежа была сорока Фроська. С ежом она обсуждала пользу и вред галлюциногенных грибов. Фроська тоже побывала в путешествии, и теперь два путешественника обменивались своими впечатлениями.

«Сидел я на побережье океана долгими часами. Волны набегают друг на дружку. Солнце светит. Небо, будто большая простыня, висит над водой. Океан такой большой, а я такой маленький. В тот миг я понял, что самое главное это жить настоящим. Тогда для меня это было так ясно и очевидно, что такое обрести внутренний покой. А вот стоило мне вернуться в лес и опять непонятная тревога в душе. Ну а ты где побывала?»

«Я посетила лягушачью страну! Страна конечно не ахти, тамошние лягушки совсем распаскудились и развратились! Такие вещи там происходят, что срам такое вслух говорить. Но у них это бесстыдство демократия называется. Но это ещё что! Пойдя на поводу у собственного любопытства, я отведала их особых грибочков. Это совершенно другая реальность, и если бы это не было так дорого, я бы устроила себе диету на неделю из этих грибов. Понимаешь? Нет, не понимаешь. Ну, так я тебе говорю, что я сидела в этом специальном ресторанчике где я съела два грибочка, а потом вознеслась на небеса! А там такое! Внезапно пришла в себя, когда падала в верхушки какой-то избушки. Как я туда попала понятия не имею. Вот мне пришлось тогда несладко! Если бы у меня не оказалось крыльев, то я бы точно расшиблась в плоский блин. Ведь одна курица из Франципанции вот так и нашла свой погибельный конец, поев этих грибов».

«Не понимаю, как вознеслась на небеса?», – недоумевал ёж.

«Сама не понимаю как. Грибы!»

«Подумать только, как могут быть опасны грибы! Вот уж чего на свете только не бывает».

«О, эти грибы открывают новые способности мозга интерпретировать всю вселенную. Правда печень теперь болит и такая горечь по утрам на языке после того грибного случая, что я сама себе не рада. Но я люблю путешествовать. Каждый раз открываю для себя разные новшества. В чудесные времена нам досталось жить. Не понимаю, как моя бабка Клава всю жизнь проторчала в лесу и ни разу не вылетела для разнообразия в другую страну. Ведь скукотища беспросветная».

«Везде, Фроська, всё то же самое. Это только кажется, что всё по-другому, а присмотришься – так одно и то же. Только на другой лад. Вон дятел всю жизнь долбит себе деревья и счастлив. И никаких ему поездок не надо. Потому что он при деле и этим счастлив. А тем, кто себя не нашёл в жизни, тому надо разъезжать по всему земному шару, вытаращив глаза. Забыться им хочется кто они и что они есть в этом мире».

«Ну не скажи. Невелика заслуга жить в пустом дупле и долбить по дубам целыми днями».

«Каждому своё. Одним дубы долбить, другим летать с ветки на ветку, цепляя на пути все сплетни языком».

«Ты на что это намекаешь?» – прищурилась сорока.

«Ни на что я не намекаю, а так к слову говорю».

«Я – сорока высокой морали и сплетни не люблю, так же как пчелы не любят медведей.

Раздался стук в дверь.

«Вот, ёж, принёс тебе твои любимые цветы».

Кроки протянул ежу букет подснежников.

«Ну, спасибо большое. Очень тронут. Проходите, мы как раз чай пьём».

Взяв цветы, ёж засеменил на своих тонюсеньких ножках к буфету. Достал оттуда вазу и поставил цветы.

«Он ландыши любит, а не подснежники», – прошептала сорока на ухо Кроки.

Тот хлопнул себя по лбу: «Я всё время их путаю!»

«Ну, Махпет, рассказывай чего повидал в дальних краях?» – спросил ежа Парлизан.

«О, высшие силы, только не дайте суслику нести очередную чепуху», – кратко про себя помолился кроль.

«Побывал я на побережье Атлантического океана. И нового ничего не увидел. Как и повсюду суета вокруг, поиски счастья и лучшей жизни».

«Вот тут я с тобой согласен. Бегут многие в поисках счастья от счастья под самым их носом», – заметил Парлизан.

«Ну, что есть счастье – вопрос самый философский из всех вопросов», – вставила сорока.

«А что тут философствовать? Счастье – это жить хорошо и со смыслом», – блеснул умом Парлизан.

«У каждого своё счастье. Ведь не может же быть смысл жизни у всех одинаковым», – вмешался кроль.

«Все хотят быть счастливыми, а не все счастливы. Я много думал об этом в последнее время. Счастье не во внешней обстановке и исполнении желаний. Скорее всего, что это сознательный выбор», – сказал ёж.

«Вот ещё! Как это выбор? Часто выбирать не приходиться! Я была счастлива, если бы родилась павлином», – возразила сорока Фроська.

«Скажи спасибо, что не родилась навозным жуком», – засмеялся суслик.

«В таком случае, я счастлива быть сорокой».

«Друзья, мой дед приговаривал, что счастье – это уметь управлять своими желаниями в жизни. Он верил, что наши желания должны быть лишь источником удовольствий и наслаждений. Если хотелось ему мороженого, а была у него только сухая булочка, то он говорил сам себе: „Это мне только кажется, что я хочу мороженого. На самом деле я хочу булочку“. После ел свою булочку с большим удовольствием», – поведал Кроки.

«Даже если съесть булочку вместо мороженого, то вряд ли потом перехочется мороженого», – усомнилась Фроська.

«Если следовать дуновениям всех своих желаний, то можно так развратиться, что, не умерев, в аду окажешься. Жить надо высокими ценностями, а это – тяжкий путь. Истинное счастье только в руках божьих, земное счастье несовершенно во всех отношениях и смыслах. Ну какое счастье в том, чтобы налопаться мороженого и слечь с ангиной на три недели? В этой погоне за земными удовольствиями нет победителей. Все в проигрыше, но не хотят этого видеть», – вещал Парлизан.

«Счастье – это не задумываться о счастье, а просто жить с позитивными мыслями. Счастье – не вещь какая-нибудь, которую можно потрогать, понюхать и засунуть в сундук под замок, чтоб не убежало. Как только кто начинает искать счастья, непременно становится несчастным. Проблема в том, как знать в лицо счастье мнимое и настоящее. Должна быть цель в жизни. Одними удовольствиями долго счастлив не будешь», – заметил Махпет.

«Самая достойная цель в жизни это благодарить своего Создателя», – вставил Парлизан.

«Счастье – это иметь детей и богатство», – произнесла Фроська.

«Да уж какое в том счастье? Одна головная боль от них», – возразил суслик.

«Скорее всего, что дети – испытание в жизни», – вставил Кроки.

«Для женского роду нет большего счастья чем дети. В том её предназначение и миссия. Этот её настоящее внутреннее счастье. Посмотрите на матерей. Они воспринимают своих деток такими, какие они есть, и в этом большое счастье. Первый урок, которому учит материнство – видеть всё так, как оно есть, и ни смотря ни на что любить то, что есть. Но вот богатство само по себе причиной счастья не может быть», – поддержал Фроську Махпет.

«Для меня счастье в религии. Она меня учит уметь ценить то, что у меня есть. Я завёл специальный журнал, куда каждый день вписываю каждую вещь за которую я благодарен. Оказывается, их так много», – поделился Парлизан.

«Для меня счастье это друзья», – заявил Махпет.

«Счастье – быть оптимистом. Без этого качества я был бы самым несчастным созданием на земле. Каждое утро я начинаю с улыбки. Вроде, казалось бы, улыбаться нечему, а улыбнусь от души просто так и будто солнце внутри зажглось. Радуюсь самым незначительным мелочам. Радость волка, поймавшего кроля, и радость кроля, удравшего от волка, не отличаются. Радость она и есть радость», – разговорился Кроки.

«Что ж это, и слою пыли на столе радоваться чтоли?» – перебила Фроська.

«А чем тебе пыль не повод порадоваться? Всему радуйся! Ведь это так просто», – ответил кроль.

«Важно ещё призвание своё найти. Что-то такое от чего у тебя дух захватывает и ты забываешь обо всем на свете. Вот я стихи пишу. Это моя страсть», – продолжал кроль.

«Вот это я уже понимаю, о чем речь идёт. Моя страсть в путешествиях. Правда не особо попутешествуешь сейчас. Перелеты больно дорогие стали, а на своих крыльях далеко не улетишь», – пожаловалась Фроська.

«А чего тебе далеко летать? Вон сколько самолетов каждый день пропадает без вести, потом хвоста твоего не сыщешь в синем небе. Свои крылья куда надёжнее», – заметил Парлизан.

«Вот это позитивный подход к лётному делу. Самое трудное – это научиться не путешествовать постоянно в своём прошлом или будущем на самолете «а что если бы…». А то ведь некоторые так и тратят свою жизнь в пустых путешествиях во времени», – засмеялся ёж.

«Это точно! Полезнее пробежать пару раз вокруг леса. Я когда ноги уношу от опасностей, после таким счастливым себя чувствую, что прямо летать готов. Вывод один: бег приносит счастье», – заключил кроль.

«Ну, пошутили и хватит. Пора чай пить», – сказал ёж.

Затем он достал из духовки горячий вкусный торт с финиками и друзья дружно принялись за угощение.

Глава шестая

Мышиная свадьба

«Мамаша, тащите сюда мой самый лучший галстука. Без галстука будет неприлично», – требовал Парлизан, красуясь у большого зеркала с трещиной посередине. Он собирался на своё первое мероприятие в религиозной карьере. Мамаша прискакала с фиолетовым галстуком, и Парлизан принялся его завязывать.

«Смотри там, проведи всё как полагается, чтобы не подумали чего нелестного. Один раз стоит сделать оплошность народ столетие помнить будет. Сейчас, сынок, поработай на имя, а потом имя будет работать на тебя», – напутствовала мамаша.

«Не волнуйтесь, родительница, хорошо создавать видимость меня научили в институте».

«Отчего ж тебя тогда оттуда выгнали?»

«Меня не выгнали, мамаша, а досрочно выпустили».

«Ну ладно, лоботряс, иди уже. Да не подерись там с кем-нибудь!»

Парлизан быстро засеменил к норе Кроки, который был занят своей поэзией. Он готовился к местному конкурсу поэтов.

«Чего это в такую рань по норам бродишь?» – удивился кроль.

«У меня к тебе дело».

«Что за дело?»

«Я приступаю к своему служению на приходе. Но без прислужника как-то несолидно в нынешнее время. Вот я подумал предложить тебе прислуживать со мной».

«Так я совсем не религиозный. Мне все эти обряды кажутся нелепостью. Я даже расхохотаться могу в середине таинства. Нет, Парлизан, не подходит мне такая должность».

«Половину пожертвований тебе отдавать буду».

«Падре, да вы каналья каких поискать!» – захохотал Кроки.

«Ничего ты не понимаешь. Это тебе не стишки писать. У меня сегодня первое венчание. И надо, чтобы всё выглядело деликатно и серьёзно».

«Никак в толк не возьму. Ты, что серьёзно?»

«Не до шуток сейчас. Ну выручи хоть один раз. Чего тебе стоит?»

«Ладно, выручу», – махнул лапой кроль.

Шла подготовка к венчанию пары мышей. Парлизан облачился в специальное одеяние, положенное в таких случаях. Кроки получил поднос, на котором он должен будет подносить бокал вина и золотые кольца.

Всё мышиное семейство было в сборе. Невеста нацепила на свою малюсенькую голову большой кудрявый парик белых волос и намалевала румянец на своих серых щеках. Как же нелепо она выглядела. Жених был обыкновенный и тощий мышь в очках. Его вид был до того растерянным, что Кроки хотелось спросить у него, знает ли он где находится и что сейчас происходит. Мать невесты обмахивалась красным веером. Казалось, по такому поводу она нацепила на себя все свои украшения и ленты с перьями. До того она чудаковато выглядела, словно торговка тряпьём на базаре. Отец невесты постоянно дремал, что нервировало его супругу. Она поддавала ему локтем в бок, а он снова вскоре начинал дремать. Родители жениха стояли и смотрели на происходящее со слезами на глазах.

«Наверное оплакивают судьбу своего сына», – думал Парлизан, глядя на них.

Падре Парлизан громко читал молитвы на латинском языке, которые были никому непонятны. Однако, все слушали с таким умным видом, будто и впрямь понимали о чем идёт речь.

Надо сказать, что Кроки по ошибке открыл страницу с молитвами для изгнания злого духа, а не с прошениями благословения на головы молодоженов. Парлизан сам не очень разбирался в латинском, а потому просто бубнил вслух то, что видели его глаза. Всё шло как полагается до момента, когда невеста стала беспокойно себя вести. Она то тяжело вздыхала, вскрикивая, то конвульсия мучения сводила ее руки в непонятных пируэтах. Толпа стала перешептываться, что с невестой что-то не то. Ее глаза покраснели, язык беспорядочно высовывался изо рта. Кроки, желая услужить, поднёс невесте стакан холодной воды. Та взяла его и плеснула прямо в падре Парлизана. Толпа ахнула. Падре застыл на месте, беспомощно моргая, а затем с криком «Изыйди, демон!» стукнул невесту по голове книгой, из которой читал молитвы. Невеста лишилась сознания. Родственники бросились на падре, награждая его тумаками. Затем присутствующие начали мутузить друг друга за все прошлые обиды. Венчание превратилось в обычный мордобой злопамятных мышей.

«Смотрите! Невеста летает!» – закричал кто-то.

Она преспокойно парила себе под потолком, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

«Как же мы её оттуда теперь достанем?» – озадачилась мать невесты.

«Надо вызвать пожарных. Они залезут по лестницу и снимут её оттуда».

«Нет. Нужно вызвать психиатрическую бригаду».

«Позовите полицию».

«Можно сбить её из рогатки».

Больше всех спокоен был жених. Он ходил, молча, вокруг да около с задратой вверх головой. Видимо, обдумывая план дальнейших действий.

Наконец, идея заскочила в его мозг, и он начал пищать своим тонюсеньким голоском: «Моя любовь, спустись с небес на землю грешную опять. Моя судьба, взгляни же вниз, чтобы меня узнать».

Невеста оставалась непреклонна к призывам возлюбленного, продолжая парить над головами присутствующих. Никто не знал, что делать.

Самая старая мышь долго молилась и прорекла: «Это за грехи нецеломудрия в вашем роду. Вот в святом доме вас постигло возмездие. Она там и будет видеть, как гроздь винограда, пока не состарится. Если не покаетесь все».

Со всех сторон зазвучали разные голоса.

«Что она говорит?»

«Это у неё по старости. Она порой чудно говорить начинает. Не обращайте внимания».

«Ну сколько уже можно? Мне домой надо, ведь сегодня покажут хоккей».

«Как тебе только хоккей в голову пришёл, когда собственная дочь попала в невесомость? Надо её как-то оттуда достать!»

«А что я сделаю? Я её не посылал висеть под потолками».

«Это падре этот послал её под потолок. Вот пусть он её назад и спускает».

«А где падре? Найдите его».

«Может её заколдовали? Порчу навели?»

«Точно, надо порчу снимать!»

«А кто снимать будет?»

«Тетка Мария Гончиха! Опытная ведьма».

«Да что, вы!? Ведьму в молельный дом?! И не боитесь кары божьей! Ваша невеста тогда в космос улетит!» – повторяла самая старая мышь.

Тем временем невеста пришла в сознание и закричала от испуга, требуя немедленно приземлить её.

Кроки спрятался в кабинке для исповеди, Парлизан же вовсе убежал.

«Вот до чего довела меня моя безбожность. На что позарился! На половину пожертвований. Живому бы унести отсюда свои глупые лапы. А Парлизан тоже хорош открыл себе молель-

ный дом и решил обирать этих неповинных верующих каждую субботу. И чего я не послушал свою интуицию. Нашёлся тоже помощничек!» – горевал Кроки.

Дверь его кабинки открылась.

«Иди спускай невесту вниз. Скоро стемнеет, и всем домой надо идти смотреть хоккей», – раздался голос.

«Мне не надо хоккей смотреть. Я тут посидеть могу», – ляпнул перепуганный кроль.

«А ну, выходи из своей будки и спускай невесту!» – не выдержала её мамаша.

Кроки вышел. Он медленно шёл посреди толпы, тряс ушами и судорожно думал. Гениальная идея мелькнула в его голове. Что было мочи во все легкие он заорал: «Кошка!»

Мыши начали разбегаться в разные стороны, а Кроки сиганул через окно и был таков.

Парлизан спешно покинул лес подальше от дурной славы, которую на него могло обрушить мышиное семейство. Благо, что все суслики на одну морду, а так бы не повезло несостоявшемуся падре.

Невеста осталась висеть под потолком ещё целую неделю. Ничего не помогло, даже ведьма Гончиха оказалась бессильна со своим полчищем бесов. Только после общего покаяния, принесённого семейством на исповеди, невесту нашли в постели с горячкой. После этого случая, мыши очень сильно уверовали в Создателя и стали регулярно посещать все молельные дома в округе.

Кроки решил завести себе кота, как лучшее оружие против мышей и им подобных. Любимым занятием кота было прыгать и играть с ушами Кроки.

Глава седьмая

Сватовство

«Как всё далеко», – произнёс Кроки, глядя из маленького окошка на весенний пейзаж.

«Что далеко?» – спросил ёж, помешивая на плите свой новый кулинарный шедевр.

«Всё далеко. Посмотри какое ясное небо сегодня. Ни единого облака. Иногда я смотрю на облака и мне кажется, что я так долго живу, что уже почти устал. Вот раньше я жил и ни о чем не думал. Пока в один из дней в мою голову не понятно зачем постучала одна мысль. Зачем я живу? С тех пор, всё потеряло прежнюю прелесть».

«Да. Много мыслей бродит по свету. Не каждую надо впускать в свою голову. Славное должно у меня получиться печенье», – отозвался ёж.

«Вот, скажи, ёж, тебе не одиноко? Весна пришла. Отовсюду свадьбы гуляют. А ты всё время один что-то месишь в своей кастрюле, а для кого?»

«Для себя. Теперь я всё делаю только для себя. Вот что я скажу тебе, Кроки, лучше быть одному, чем быть одному вдвоём».

«А я бы женился», – вздохнул кроль.

«Так женись! Чего тянешь?»

«Смелости не хватает».

«Для этого дела особо смелым быть не нужно. Мудрым быть обязательно. Ведь такую жену можно себе заиметь, что будет она тебе хуже ста чертей в квадрате».

«Одиночество хуже ста чертей».

«Был я мужем одной ежихи. Все ей наряды новые подавай и коктейли заморские очень любила. Терпел я поначалу, тешил себя надеждами, что всё наладится, она исправится. Но кривое ребро прямым не сделаешь, только сломаешь».

«Ну сам-то ты тоже не из сахара сделан», возразил кроль.

«Жить как вдовый при живой жене тоже не сахар», отозвался ёж.

«А я б всё равно женился на в меру порядочной, слегка образованной мадам. Слушай, Махпет, я по этому поводу навёл справки, Мария Гончиха открыла контору, где невесту можно подобрать со 100% совместимостью и гарантией семейного счастья», – поделился кроль с ежом.

«Брачное агентство что ли? Да ещё и Гончиха? Ой, брат ты мой, обходи такие заведения стороной. Моя, рассыпавшаяся в прах, семейная идиллия была результатом именно таких походов по брачным агенствам. Начнут тебе показывать там сотни разных милых мадам, мило улыбающихся с портретов. А что можно понять по портрету? Ведь это бумажка да и только. Глаза разбегаются, и выбор падёт на совершенно неподходящую зазнобу сердца, которая окажется отъявленной заразой».

«Всё это жалобы изнеженного цветка в оранжерее. Поход походу – рознь. Я же иду присмотреться, а не предлагать сразу руку и сердце».

«Уединение или семейная многокозненная жизнь – личное дело каждого. Я хочу молчания, а бабам лишь бы языком махать, а язык у них как гиря. Тюкнет тебя разок и – всё!»

«Страсти какие говоришь», – усомнился в его словах кроль.

«Я вот к какому пониманию пришёл: всё блестящее – ненастоящее. Так что если никакой здравый смысл не удержит тебя от разгуливания по брачным агентствам, то гляди в оба. Чем больше побрякушек навешано на претендентке, тем дальше держись от неё. Хоть с Гончихой я лично не знаком, но репутация у неё весьма сомнительная, вряд ли она тебе что путёвое присоветует… Лучше не показывай к ней ни нос, ни хвост».

Неделю спустя Кроки сидел за столом напротив лисицы Гончихи. Из-под зеленого тюрбана смотрели Гончихины глаза: один зелёный, другой чёрный. В полутьме выражение её лица казалось столь зловещим, что у кроля мех дыбом встал.

«Есть у меня подходящая кандидатура. Микела Пятка», – произнесла Гончиха, подав кролю портрет удава, и высморкалась в подол своей алой юбки.

«Ой что-то она мне не особо нравится. Шерсти нет у неё совсем, да и глазёнки хитрые больно», – возразил Кроки.

«Ну вот ещё! Нравится – не нравится, нечего звёздам перечить, когда они сходятся. Так можно и венец безбрачия получить. Ведь сам тоже не красавец писанный. Не сумневайся. Микела Пятка – твоя судьба. Ну ладно для пущей уверенности брошу на тебя бобы», – затараторила Гончиха.

Вопреки гаданию на бобах Кроки не желал принять за аксиому Гончихину теорему 100% совместимости с Микелой Пяткой.

«Ну не мой это типаж, понимаете? Подберите что-нибудь другое».

«Да что это за неприятие судьбы такое? Ведь не галстук же ты подбираешь себе на один вечер, а спутницу жизни! Ну подумаешь она немножко плешивая. Это от большого ума. Не нравится она тебе сегодня, так понравится завтра. Тоже мне проблема. Настоящая любовь и жабу в принцессу превратит. Она не выставила никаких условий о денежном статусе жениха, в то время как другим нужны дворцы и битвы на шпагах, а какие у тебя дворцы? Нора – дыра и сердце полное печали», – увещевала его Гончиха.

Кроки, почесав за ушами, пообещал всё хорошенько обдумать и сообщить о своём решении в ближайшем будущем. Гончиха поняла, что кроль вовсе не имеет намерений осчастливить Микелу Пятку, а просто напросто хочет раствориться на лесных просторах, и она решила предпринять экстренные меры приворота.

«Ну, как знаешь, милок, думай сколько хочешь. Это дело житейское. Насильно мил не будешь. Путь-то поди домой долог. Дай я тебе налью молока буйволицы на дорожку для поддержания сил. Очень уж это полезная жидкость. Меня по большому блату снабжают и страусиными яйцами, и молоком буйволов, и даже кожей крокодилов. Прям уже и девать некуда», – защебетала Гончиха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.